

Максим Лаврентьев

Новые стихи

Максим Игоревич Лаврентьев – поэт, прозаик, литературовед, редактор журнала «Плавучий мост». Также известен как художник и композитор. Родился в Москве в 1975 г. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал кладовщиком на автостанции, затем редактором в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия», главным редактором журнала «Литературная учеба». Автор 11 изданных книг, в том числе – стихотворного переложения ветхозаветных книг и псалмов Давида, Книги притчей Соломоновых и Книги Экклезиаста, а также – квазибиографической повести «Воспитание циника», книг «Знаки бессмертия» и «Весь я не умру...» Автор ряда статей по истории наград до- и послереволюционной России и иллюстрированной монографии «Дизайн в пространстве культуры». Последняя по времени издания поэтическая книга «Библейская лирика» вышла в 1923 году.

* * *

Сквозь телеграм-каналов жижу,
ты полагаешь, рифмоплёт,
я без тебя в упор не вижу,
куда безумный мир идёт?

Воображаешь ты со спесью:
в последний снаряжаясь путь,
патриотическую песню
поэт обязан затянуть!

Расцениваешь ты молчанье
как неучастие в борьбе,
поскольку вечное мычанье
стихами кажется тебе.

* * *

Говорила мне раз критикесса,
управительница литпроцесса,
что пишу я не то и не так,
что на мне ей-де видится ряса,

что в стихах не хватает ей «мяса»,
а без «мяса» искусство – пустяк.

И не мог я понять критикессу,
словно вышел медведем из лесу.
Долго думал, однажды решил
ей с досады ответить: «Больна ты!»
Но она уже дёрнула в Штаты,
проклиная «кровавый режим».

А недавно узнал я о даме,
что смакует она в Телеграме
гибель тысяч и тысяч солдат.
И дошло до меня, лоботряса:
вот какого хотелось ей мяса,
критикессе, лет двадцать назад.

* * *

Как всем мальчишкам, нравилось и мне
читать в книжонках фронтовые были.
Но ни отец, ни дед мой о войне
со мною никогда не говорили.

Они прошли через огонь и дым,
в отличие от одногодок штатских,
и нечего стыдиться было им
заслуженных наград своих солдатских.

Но почему-то про былые дни
у нас никак не ладилась беседа.
Но почему-то хмурились они
и замыкались даже в День Победы.

Теперь я не люблю военных книг
и фильмов, где солдат играют роли.
Война – кровавый ад, а не пикник,
молчат о ней и жертвы и герои.

* * *

Воздушная взывала тревога.
Тень пала на город внизу.
Но хоть бы глядел ты в три ока,
увидел бы только грозу.

Лишь порох свинцового неба,
набрякшего гроздьями туч –
как будто зарядами гнева,
сорваться готовыми с круч.

Гроза надвигается, валит,
кипит над твоей головой.
И душу твою разрывает
неистовый внутренний вой.

* * *

На гражданской войне не нужны толмачи,
чтобы пленных допрашивать рьяно.
Там всё просто: не хочешь сказать – так молчи
в переливах степного бурьяна.

И поэты гражданской войне ни к чему,
ведь поэт на войне – знаменосец.
Русской кровью выкрашивать знамя ему –
это даже не грех, это нонсенс.

Будет день – как свидетель, пришедший на суд,
скажет он своё веское слово.
А пока только танки ползут и ползут
в переливах бурьяна степного...

* * *

Здесь, на земле сегодня бой
солдаты, жертвуя собой,
грядут, как эллины на Трою.
Бьёт артиллерия: ба-бах! –

и в облака взмывает прах
и смешивается с грозюю.

Но выше чёрных облаков,
куда не долетает рёв
тяжеловесной канонады,
земной не проникает прах –
трепещут в солнечных лучах
одни прозрачные монады.

А выше, там, где в пустоте
звезда к звезде – везде! везде! –
сияет вечная лампада,
прощённый трудится Адам,
растёт единый Божий храм.
И нам об этом помнить надо.

Признание лауреата

Много лет назад мне позвонила
прежняя наставница моя
и прощбетала очень мило –
так, что даже поперхнулся я:

«Подскажите, друг, не из бравлады,
перечислите-ка без прикрас
все заслуги ваши, все награды,
и какие премии у вас».

Не спросила как моя работа,
удалось ли книги мне издать, –
видно, для какого-то отчёта
ей другое важно было знать.

Отвечал я даме симпатичной,
что весьма помочь ей был бы рад,
но лишён возможности отличной,
ибо нет ни премий, ни наград.

А недавно, как Салману Рушди,
Пастернаку и Анни Эрно,
выдали мне наконец по дружбе
премию. И деньги заодно.

К моему полтиннику, к закату
эти премиальные рубли,
словно бы законную зарплату,
на расчётный счёт перевели.

Средств не хватит прикупить картину
или вазу в стиле ар-деко,
но четыре месяца квартиру
я могу оплачивать легко.

Или можно погасить налоги
с неработающего ИП,
или курс прослушать хатха-йоги –
просто ради смеха. И т.п.

Что ты, Саша, приуныл на полке –
завидно тебе наверно, брат?
Мишенька, втяни свои иголки –
я перед тобой не виноват.

Творческие были вы натуры.
Велимир особенно мне мил.
Очень жаль, что мир литературы
вас, друзья, совсем не оценил.

* * *

На валежнике влажно блестит паутина,
что в сухую погоду почти не видна.
Лишь недавно, казалось, гроза поутихла,
а теперь вот совсем прекратилась она.

Небеса озаряются светом зарницы –
атмосферный на запад подвинулся фронт.
И в лесу оголтелые носятся птицы,
словно срочный природы объявлен ремонт.

Под зелёным шатром нарастает шумиха:
затевают сороки свой бабий бедлам;
точно дом возводящие плотники, лихо
дятлы целой артелью стучат по стволам.

И заслушавшись рядом с ожившею чащей
как выводит рулады лесной виртуоз,
на мгновение видишь ты мир настоящий –
безучастный к былому, не помнящий гроз.

* * *

Если все мне надоели,
я люблю среди недели
целый день бродить в лесу.
И наевшись ягод спелых,
полную корзину белых
набираю и несу.

В чащу хвойную не лезу,
а прислушиваюсь к лесу,
к протекающей реке.
Здесь, далече от столицы,
разговаривают птицы
на понятном языке.

Так различны речи птичьи!
Грач зачитывает притчи,
громко жалуется дрозд.
Но язык совсем несложен,
хоть и с прозою не схож он,
а невероятно прост.

И на нём слагает оды
тот бессмертный дух природы,
собеседник чудный мой,
что является предтечей
всех лирических наречий,
всей поэзии земной.